

Оставлять Чэнь Цинъяня с травмированной ногой на улице было нельзя, поэтому Ван Ин поспешил отвезти его обратно в дом Чэнь Си.

Дядя Чэнь, узнав о змеином укусе, перепугался не на шутку. В те времена ядовитые гады стояли в одном ряду с хищными зверями: стоило яду попасть в кровь, и человек был обречен. К счастью, полоз оказался безобидным. Место укуса припухло и покраснело, выглядело это пугающе, но жизни молодого хозяина ничто не угрожало.

Чэнь Си привел деревенского лекаря, который приложил к ране кашицу из растертых трав, и на этом лечение закончилось. Однако Ван Ин всё равно не находил себе места и твердо решил по возвращении в город показать мужа опытному врачу. Вишневые деревья, которые он планировал пересадить на экспериментальное поле, пришлось оставить — времени на них совсем не осталось. Теперь всё зависело от следующего визита.

Дашунь тем временем привел конюха и спросил, согласен ли тот отправиться на работу в город. Ши Дуньцзы было чуть за тридцать: невысокий, худощавый, с кожей, почерневшей от постоянного солнца. Несколько лет назад он взял в мужья гэ'эра, но тот умер во время тяжелых родов вместе с младенцем. С тех пор мужчина жил в поместье бобылем. Семья у него была маленькая, земли почти не было, и жизнь он вел скудную, частенько терпя обиды от более зажиточных соседей. Услышав, что хозяева хотят забрать его к себе, он согласился не раздумывая и мигом собрал свои нехитрые пожитки.

Эршунь тоже уложил одежду с одеялами и приготовился к отъезду. Перед самым выходом Чэнь Си с женой долго держали младшего сына за руки, наставляя его быть прилежным, слушаться хозяев и не ввязываться в дурные компании.

— Отец, матушка, не беспокойтесь, — заверял их Эршунь, — я буду служить верой и правдой!

Уже садясь в повозку, Ван Ин вспомнил про мешок пшеничных семян, взятых с экспериментального поля. Он велел Чэнь Си забрать их.

— Помнишь те несколько му, что я велел оставить в прошлый раз?

— Помню, как не помнить, — отозвался староста.

— Эти семена я отобрал заранее. Как только уберете просо, засейте их вместе с остальными полями. Через какое-то время я приеду проверить.

— Будьте покойны, господин, всё сделаем в лучшем виде!

Дядя Чэнь, беспокоясь о ране на ноге Цинъяня, гнал мулов быстрее обычного, и они успели вернуться домой еще до заката. Госпожа Ли, едва услышав об укусе, разрыдалась от страха, и Ван Ину пришлось долго её утешать, убеждая, что змея была неядовитой.

Через четверть часа прибыл лекарь, присланный Дядей Чэнем. Тщательно осмотрев Чэнь Цинъяня и убедившись, что опасности нет, он выписал рецепт на укрепляющие отвары. Только тогда Госпожа Ли немного успокоилась.

— Больше я тебя в поместье не пущу, — ворчала она, — там кишмя кишат всякие гады, неровен час, погубишь здоровье!

— Матушка, это была досадная случайность.

— Случайность или нет, а рисковать нельзя. Ты только на поправку пошел, тебе к экзаменам готовиться надобно, а ты всё по полям бегаешь.

При этих словах лицо Чэнь Цинъяня мгновенно побелело. Ван Ин поспешил вмешаться, переводя разговор в другое русло:

— Цинъянь еще не совсем окреп, да и погода с каждым днем всё холоднее. Пусть побудет дома, наберется сил, а там видно будет.

Госпожа Ли спорить не стала. Она взяла Ван Ина за руку и легонько похлопала по ладони:

— Как поправится, вы уж не тяните, пора бы и о дитятке подумать.

Тут уже пришла очередь Ван Ина менять лицо. Неловко высвободив руку, он пробормотал:

— День выдался нелегкий, Цинъянь устал. Я помогу ему прилечь.

— Идите, идите, — закивала матушка.

Оказавшись в заднем дворе, Ван Ин не выдержал:

— И долго ты собираешься скрывать это от матери?

Цинъянь молчал, понурился. Хотя он и отличался не по годам острым умом, в душе он оставался семнадцатилетним юношей — гордым, упрямым и ранимым. Признаться в собственном позоре было для него выше всяких сил. Но он и сам понимал: вечно притворяться больным не выйдет.

«Неужели придется и дальше притворяться больным? — терзался он. — Но ведь... ведь тогда люди будут презирать меня!»

— Сегодня же пойду и всё ей скажу, — наконец глухо вымолвил он.

— Не руби с плеча. Сначала обдумай, что будешь делать дальше. Матушка у тебя человек бесхитростный; узнав, что путь к чиновничьей карьере для тебя закрыт, она снова зальется слезами. Ты должен сразу предложить ей замену — показать, что и без государственной службы сможешь найти свое место под солнцем.

— Тогда я открою частную школу. Стану учителем.

В городке ныне было всего две школы: одну держал старый сюцай, вторую — туншэн. Оба они не блистали глубокими познаниями, и Цинъянь понимал, что в образованности даст им фору.

— Если ты твердо решил, завтра же займись поисками дома под школу. Всё обустроим в лучшем виде.

— Хорошо.

Успокоив мужа, Ван Ин отправился в передний двор, чтобы пристроить прибывших из поместья людей. Ши Дуньцзы поручили уход за скотиной: жалование — сто вэней в месяц на полном обеспечении. Его поселили там, где раньше жил старик Тянь. Мужчина оказался нрава кроткого и молчаливого — исполнял всё, что поручал ему Ван Ин, без лишних вопросов.

Эршунь, напротив, был малым бойким и хватким. Он всюду следовал за хозяином, стараясь быть полезным. Работа по закупкам была не из тяжелых: то муки купить, то масла, то по мелким поручениям сбегать. По-настоящему жарко становилось лишь под праздники, когда нужно было готовить подарки для родни. Ван Ин решил лично обучить парня всем премудростям — в будущем, когда он откроет свою лавку, такой помощник будет на вес золота.

Наконец Чэнь Цинъянь решился на откровенный разговор с семьей. Он открыто признался, что путь к участию в императорских экзаменах — кэцзюй — для него теперь закрыт. Хоть Ван Ин и был готов к этому, видеть горькое разочарование на лице матери было невыносимо. Юноша и сам едва сдерживал слезы.

Заметив это, Ван Ин под столом крепко сжал руку мужа, ободряюще похлопав его по ладони. Признать крах своих надежд требовало немалого мужества, и сейчас главное было не дать мужу снова впасть в меланхолию.

— Но как же так? Почему ты раньше молчал? — всхлипнула Госпожа Ли. — Напиши

четвертому дяде, пусть поспрашивает, может, есть способ!

— Если бы четвертый дядя мог помочь, я бы давно ему сказал. Здесь ничего нельзя сделать...

Услышав это, Госпожа Ли чуть не лишилась чувств. Слезы градом покатались по её щекам. Теперь-то ей стало ясно, почему сын занедужил сразу после уездного экзамена.

— Матушка, — мягко заговорил Ван Ин, — в жизни всякое случается. Не вышло с госслужбой — найдем другое занятие. К тому же, у нас ведь подрастает Цинсун. Пройдет несколько лет, он сдаст экзамены на цзюйжэня, и всё наладится.

Младший брат, услышав это, заметно побледнел. В учебе он не мог тягаться со старшим братом, к тому же любил поиграть и еще не имел даже звания туншэна. Ответственность, внезапно легшая на его плечи, показалась ему непосильной ношей.

Спустя долгое время женщина вытерла слезы.

— Что ж... Раз судьба так распорядилась, что ты надумал делать дальше, Янь-эр?

— Я хочу открыть частную школу, — уверенно ответил Цинъянь. — Буду учить детей грамоте.

Ван Ин поддержал его:

— А я собираюсь открыть лавку. Глядишь, и заживем в достатке.

Госпожа Ли тяжело вздохнула:

— Я стара уже, подмога из меня никакая. Делайте, что задумали. Коли денег не хватит — я дам.

Ван Ин облегченно выдохнул. К счастью, свекровь не стала допытываться и изводить сына упреками, иначе Цинъяню пришлось бы совсем худо.

На следующее утро Ван Ин отправился в город высматривать подходящее место под лавку. Помещение для торговли овощами не требовало большого пространства — урожай с экспериментального поля был ограничен, и ставку нужно было делать на редкость товара.

Зимой даже в богатых домах не часто увидишь свежую зелень. Он понимал: его товар будет стоить в разы дороже обычного, но покупатель найдется. Лавка должна была стоять на виду,

чтобы каждый прохожий знал, чем здесь торгуют.

После долгих поисков он, к своему удивлению, наткнулся на ту самую лавку, которую Чэнь Бяо когда-то проиграл в кости. Хозяин игорного дома больше месяца не мог её сбить, и цена уже упала с шестидесяти лянов до пятидесяти. Обдумав всё хорошенько, юноша решил её выкупить. Место было проходное, размер подходящий, а предрассудки — плохой советчик в делах. К тому же Чэнь Бяо с семьей уже отправили в Цанчжоу, так что помех со стороны бывших владельцев можно было не опасаться.

К сделке он подошел со всей осторожностью: пригласил знающего человека для оформления документов, опасаясь обмана. Всё прошло гладко: составили купчую в присутствии властей, уплатили серебро, и лавка официально перешла в собственность семьи Чэнь.

В управе он случайно столкнулся с Хуан Санем и его людьми. Ван Ин еще не успел поблагодарить их за помощь в прошлый раз, поэтому пригласил в ресторан «Инэкэ» на обед.

— Господин Ван, вы слишком щедры! — отнекивался Хуан Сань. — Стоит ли из-за такой пустяковины затевать пир?

— Стоит-стоит, — улыбнулся он. — Без вашей помощи те пройдохи вряд ли бы так быстро развязали языки.

Стражникам такие слова были по душе, и лица их расплылись в довольных улыбках. Заметив в руках Ван Ина бумаги, Хуан Сань поинтересовался:

— Неужто лавку прикупили?

— Решил занять пустующее помещение на Восточной улице. Буду зимой торговать свежими овощами и фруктами из южных краев.

— Овощами с юга? — удивился стражник.

— Мой четвертый дядя служит в Лайчжоу, там климат мягче. Местные фермеры обустроили теплицы, вот я и подумал возить оттуда зелень к нам в городок.

— Ох, и цена же будет у такой диковинки!

— Те, кто захочет отведать свежих овощей среди зимы, за ценой не постоят, — резонно заметил юноша.

— И то правда. Что ж, заранее желаю вам процветания! От вина, пожалуй, откажемся — служба не ждет, в другой раз как-нибудь.

Ван Ин велел Эршуню достать из кошелька двести вэней, чтобы стражники могли выпить за его здоровье в свободное время. Хуан Сань с благодарностью принял деньги:

— Коли возникнет нужда — зовите, всегда поможем!

Заниматься отделкой лавки Ван Ин не спешил: время еще терпело. Холода наступят через несколько дней, тогда и начнется торговля. Сейчас же нужно было обустроить школу для Чэнь Циньяня.

К помещению для школы требований было меньше — ученики придут за знаниями, а не за роскошными стенами. Ван Ин перебрал несколько вариантов, но остался недоволен: то лачуга разваленная, то места мало. В итоге он решил просто отгородить две комнаты в их внешнем дворе.

По памяти он воссоздал облик учебного класса: заказал плотнику десять столов с лавками и большую плоскую доску. Покрытая черной тушью, она стала отличным подспорьем для учителя, а вместо мела использовали палочки природной извести. Писали они гладко, ничуть не хуже современных школьных мелков.

Дни становились всё холоднее, и Ван Ин распорядился проложить вдоль стен дымоход — «дилун», чтобы зимой в классе было тепло.

Чэнь Циньянь, приехав на своей коляске осмотреть будущую школу, сразу заметил странную черную доску.

— А это зачем? — любопытствовал он.

Ван Ин взял палочку извести и крупно вывел на черном фоне имя мужа.

— Ну как, видно? Можешь писать здесь иероглифы, чтобы дети видели, а потом просто стирать тряпкой. Удобно, верно?

— Дивно! — восхитился Циньянь. — Невероятно полезная вещь. Как тебе только в голову такое пришло?

— Да что там... — усмехнулся Ван Ин. — В моих краях во всех школах такие доски стоят.

Циньянь на миг задумался, понимая, о каких краях идет речь.

— Такое новшество надобно повсюду вводить. Если в каждой академии будут такие доски, даже дети из бедных семей смогут выучиться грамоте, не тратясь на книги.

Впрочем, сказать было легче, чем сделать. Книжники — народ упрямый, и вряд ли бы они стали слушать безродного выскочку. Переглянувшись, супруги решили оставить идею просвещения масс до лучших времен.

Незаметно подкрался конец девятого месяца. Чэнь Цинъянь почти поправился и уже мог ходить самостоятельно, без помощи кресла. Всё было готово. Школа открывала свои двери для первых учеников!

<http://bllate.org/book/15812/1428913>